

Татьяна Первах

МЕНЯ ТАМ НЕТ

Татьяна Первах

Меня там нет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39425599

ISBN 9785449379207

Аннотация

Татьяна обычная девушка, которая живет в ожидании сказки после не сложившейся семейной жизни. И сказка является ей, но в другом обличе. Она влюбляется в парня, он без ума от нее. Но они разделены границами двух миров: мира реальности и мира снов. Проводя вместе ничтожное и кем-то несправедливо отмеренное им время, они понимают, что жизнь друг без друга становится невозможной. Что же делать? Способны ли их чувства потягаться с беспощадным временем и законами этих миров?

Меня там нет

Татьяна Первах

*Я шла к Тебе запутанными снами.
Влачила шаг измученный, больной.
Шуршащий стон рыдающего пламя
Меня глотал, насытившись Тобой.*

*А ветер рвал логичные ответы
Кусая мир привычной суеты.
И я бегу, забывши о запретах
Ведь там есть Ты. Я точно знаю – Ты!*
Слабоднюк А. В.

*Художник-иллюстратор и дизайн обложки В. И. Ким
Редактор А. В. Слабоднюк*

© Татьяна Первах, 2019

ISBN 978-5-4493-7920-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Выражаю искреннюю благодарность автору сего стихотворения за его бесценный вклад в эту книгу и существование одного из героев на самом деле.

Dedicated to my friend Michael. Happy Birthday.
January 15, 2019

Они стояли на лестничной площадке обычной хрущёвки, коих было много в этом районе. Она знала этот дом как свои пять пальцев. В детстве они облазили его от подвала до чердака и с тех пор он нисколько не изменился. Всё тот же запах сырости и мочи, облупленные стены с которых сыплется штукатурка, если дотронуться до них. Холодные ступени из камня, на которых они часто играли на картах в дурака или просто рассказывали истории, понятные и интересные только детям.

И вот теперь она здесь снова. Ей тридцать один и за плечами у нее уже имелся неудачный брак. Он стоял напротив и смотрел на нее с нежностью, слегка улыбаясь. Со всем мальчик, которому едва исполнилось восемнадцать. Она знала это точно. Он был таким хрупким и юным, что она чувствовала себя глубокой старухой рядом с ним. Но то, как он смотрел на нее, давало ей немного надежды. Он приблизился и коснулся губами края ее рта. Поднял глаза, как бы спрашивая разрешения на настоящий поцелуй. Но её глаза были закрыты и он, опираясь одной рукой на стену за её плечом, прижался к её губам. Она чувствовала его трепет

и от этого трепетала сама. Она хотела обнять его, но вспомнила, что он совсем маленький и тонкий. Она просто его раздавит. Поцелуй был без объятий. Он был странным и от этого прекрасным. Они слегка касались грудью и животами, но её пальцы были сжаты в кулаки и руки просто висели вдоль тела. Его же покоились на стене позади неё. Он не пытался её обнять или же подключить к поцелую язык. Он просто жался своими губами к ее. Она боялась пошевелиться, чтобы ни в коем случае не спугнуть этот поцелуй. Готова была стоять вот так, со слегка согнутыми в коленях ногами, чтобы сравнять их разницу в росте, прислонившись спиной к грязной стене столько, сколько нужно.

– Мы можем продолжить. Прямо здесь. – Сказал он, слегка картавя и глядя ей в глаза с мальчишеским азартом. – Здесь. – Он указал на лифт. – Нас никто не увидит.

Она любила его и знала, хотя и видела впервые в жизни. Его голос и этот маленький дефект речи как будто опутывали её, и тело пощипывало от возбуждения. Ей очень хотелось сказать да. Говорить это слово миллион раз, не останавливаясь, только бы его губы опять вернулись на то место, где были минуту назад. Но, открыв глаза, она увидела перед собой всего лишь глупого и такого юного мальчика. Она отрицательно качнула головой.

– Мне тридцать один, тебе всего лишь восемнадцать. Это будет неправильно. Я не могу так...

...Она сидела на каменной насыпи из щебня, которая располагалась вдоль гаражной линии. Видимо кто-то затеял здесь стройку, но дальше доставки балласта дело не продвинулось, и он так и остался лежать небольшой горой посреди дороги. Она сидела на самом верху, упираясь локтями себе в колени. Её кеды иногда соскальзывали, когда камни оживали и норовили скатиться вниз, и ей приходилось подбирать ноги снова. Был сентябрь и ветру уже было с чем играть. Он срывал с деревьев болезненно бледные листья и бросал на пока ещё сухую землю, не давая им покоя, тут же закручивал их в маленькие вихри и выгонял прочь. Все вокруг уже начало увядать, дышало безжизненной сыростью и тенью. И ветер с каждым порывом становился жестче и холоднее. Но здесь на холодных камнях им было тепло и уютно, как пожилым супругам, которые каждый вечер проводят возле разожжённого камина. Их греет жар огня, им комфортно от того, что они прожили вместе долгую и счастливую жизнь и, не смотря на трудности, они все ещё вместе. Им не нужно разговаривать, чтобы знать, кто о чём думает. Молчание их не тяготит, оно успокаивает. Она курила свой черный Кент и, выпустив очередную струю дыма изо рта, посмотрела на него. Он сидел в той же позе, что и она, только немного ниже. Не моргая смотрел куда то вдаль. Он ни разу не обернулся, не попытался заговорить или дотронуться до неё. Она смотрела на его совсем детское лицо, чуть вздернутый нос и румяные щеки. Ей очень хотелось протя-

нуть руку и дотронуться до его светлых отросших волос. Закрыться в них пальцами, поиграть с ними, ещё раз удивиться их мягкости. Но её рука, проделав половину пути, медленно вернулась на место. «Нет, не нужно. Я старше. Он должен понять, что так нельзя».

Она посмотрела вперёд, туда же куда смотрел и он. Впереди была только парковка с выцветшими от времени полосами да заброшенная детская площадка с покосившимися каруселями и поваленной на бок горкой. Она напоминала поверженного коня, раненого в бою.

Затянувшись в последний раз, она бросила окурок себе под ноги.

Она очнулась внезапно, как от удара по лицу. Резко сесть боль яркой вспышкой разорвалась в ее голове и разлетелась по всему телу осколками. Она застонала и медленно легла обратно, прикрыв глаза. Всё её тело болело настолько, что она больше не предпринимала попыток встать или даже пошевелится.

– Эй, ты жив? – услышала она сильно ломанный русский. Открыв глаза и повернув голову на звук голоса, она увидела напротив себя двух парней-азиатов, которые смотрели на неё с мрачным беспокойством. Они сидели на старой панцирной кровати. Она поняла, что лежит на такой же. Футбол-

ки с растянутым воротом, дешёвое трико и сланцы говорили об их незавидном материальном положении. Студенты или просто работяги из соседней страны, ехавшие сюда в поисках заработка. Окинув взглядом комнату, насколько ей позволяло положение её тела, она увидела высокий потолок в желтых пятнах. Видимо в дождь ему приходится нелегко. Стены покрашены в больнично-холодный зелёный оттенок, четыре кровати-односпалки по две в ряд у каждой стены. Общага. Пахло дешевыми сигаретами, луком, какими-то специями и потом. В углу комнаты один на другом стояли потёртые баулы, из которых торчало разноцветное тряпье. Между двух кроватей стоял деревянный стол с облезшими ножками. На нём стояли две миски и чёрный от копоти маленький чайник.

– Где я? Что произошло? – даже шепот доставлял ей боль.

– Там был большой огонь. Мы нести тебя сюда. – Все тот же мрачный тон и странный акцент.

Рот был сухим, она мечтала о глотке воды хоть какого качества. Голова трещала, и она положила свою вечно холодную руку себе на лоб. Она часто так лечила головную боль сама себе. «Нужно идти» – подумала она и с трудом начала подниматься. Встав, её качнуло, и она схватилась за металлическую спинку кровати, едва не упав. Её «спасители» даже не пошевелились. Просто смотрели на неё неммым укором. Прodelав свой долгий путь до двери, она вдруг остановилась и спустя несколько секунд обернулась к ним.

– Со мной был парень. Где он? – взволнованно спросила она.

Они переглянулись и сказали что-то друг другу на своем ей незнакомом языке. У неё заныл желудок.

– Его нет больше. Гореть. Ты курил и ты вина.

Ее качнуло снова, и она прижалась к дверному косяку, заляпанному чёрными пальцами. Не моргая, смотрела в раскосые глаза парня, что сидел справа. В них было только осуждение.

– К-к-как сгорел? Там кругом были только камни! Камни не горят! Их невозможно поджечь брошенной сигаретой! Они ведь холодные... – её голос сломался, она почти кричала. Она уже не видела своих собеседников из-за собравшихся в глазах слёз. Они стали просто размытым пятном. Она сдавила рукой рот, чтобы сдержать рыдания, но от этого, казалось, её плач стал ещё громче. Оглушая, он разносился по всему этажу. Слёзы выжигали ей глаза. Грудь сдавливал тугой корсет боли. Он трещал по швам, давя на кости грудины. Ей казалось, что они сейчас сломаются и осколки врежутся в легкие и желудок. Она прижала кулак к ложбинке между грудей, где теперь находилось ее сердце и дергалось в адской пляске. Закрыв веки, она по косяку опустилась вниз и зарыдала.

Она шла, и подошвы её кед противно шаркали о землю. Внутри было пусто, упав сейчас, она просто бы рассыпалась

на песчинки, как старая посуда. Припухшие глаза смотрели прямо, не разбирая дороги. Она просто шла туда, где видела его последний раз. Уже издали она почувствовала отвратительно горький запах гари, от которого скребет горло, и лёгкие хотят вывернуться наизнанку. Запах тоски и смерти.

Теперь здесь всё было по-другому, хоть огонь и тронул только камни, но их сожрал полностью. В том же равнодушном безмолвии стояла перекошенная карусель, а парковка была так же пуста. В воздухе летали комья пепла. Медленно, деловито, сводя с ума. Она провела много времени в одиночестве, можно сказать большую часть своей жизни. Но так, тоскливо до тошноты, не было никогда. Мысли впервые причиняли физическую боль. Она шагнула в пепелище и тут же задела что-то ногой. Присев на корточки, из кучи тлеющего «ничего» выудила полусгоревший кусок материи. Рука метнулась ко рту, судорожно сжав его, сдерживая рвотный позыв. Обрывок куртки. Той самой, чёрно-синей, в которую он был одет, и которая так оглушительно для неё шуршала, когда он целовал её на лестничной площадке. Теперь она поверила во всё. Боже...

Краем глаза она заметила какое-то пятно и, встав, посмотрела в ту сторону. Белая иномарка стояла неподалеку и будто следила за ней. Машина была ей знакома, но она не сразу поняла, где раньше её видела. И только сделав к ней несколько шагов, увидела лицо водителя. «Юрий Михайлович? Какого чёрта он тут делает?» За рулем сидел отец её бывшего му-

жа. Она искренне не понимала, откуда ему и его машине тут взяться, ведь они всегда жили в другом городе, и ей с трудом верилось, что бывший свёкор вдруг соскучившись, решил её увидеть и проехал для этого несколько сотен километров. Но она подошла и села на заднее сиденье авто. После звука закрывшейся двери на них обрушилось давящее молчание.

– Вы видели, что здесь произошло? – через некоторое время спросила она, нарушая тишину, которая уже начала оглушать.

– Видел даже больше. Новый ухажёр? – с насмешкой спросил он всё так же, не поворачивая головы.

У неё защипало кончик носа. И она знала, что сейчас он покраснел. Так всегда бывало, когда она собиралась заплакать. И сразу высыхали губы, ими становилось больно пошевелить. Казалось, треснут до крови от малейшего движения. Не ответив, она уткнулась лбом в подголовник переднего сиденья и начала всхлипывать. Её бил озноб так, что она даже не могла соединить кисти под коленями, пытаясь собраться в комок.

– Я знал, что...

– Да ни хрена вы не знали! – закричала она перебивая. Слезы уже скопились на подбородке. – Вы его не знали! Никто, никто его не знал!

Она хотела, чтобы он заткнулся, чтобы заткнулись даже его мысли в голове. Хотя он и так молчал.

– Ему было всего восемнадцать... – её слова утонули в плаче.

Очередной громкий всхлип вырвал её из сна. Она ощутила неприятное касание лицом о мокрую ткань. Лежала в луже своих слёз. Она чувствовала свою влажную переносицу и висок, ведь она спала на боку. Приподнявшись на локте, она повернулась и нажала кнопку на подножке ночника. Она всё ещё плакала, и грудь её вздрагивала от прерывистого дыхания. На край кровати пролился бледный свет. «Открыть окно. Нужно открыть окно иначе я задохнусь», – подумала она, но посмотрев на занавески, увидела, что они слегка покачиваются. Она сама открывала его перед тем, как лечь в постель. Теперь она вспомнила. Сев, она опустила горящее лицо в ладони. Жар исходил из самого центра головы, и каждый вдох гнал потоки огня в руки и ноги. Улей, что был на её плечах сейчас вместо головы, гудел от мыслей-пчел. «Что за мальчик? Кто он? Это лицо... я никогда не видела никого похожего. Умер? Сгорел? Почему мне это так важно? И эта горечь во рту... Господи. Спасибо, что это был только сон». Но в глубине души она не думала, что видела всё это во сне. Тело так же ныло, лицо опухло от плача, и даже горло продолжало першить, как бывает, когда хлебнёшь горелого воздуха. Всё говорило о том, что она действительно пережи-

ла этот ужасный день. Таких снов не бывает. Слишком всё было реально.

Часы на прикроватной тумбе показывали 02.18. За три часа она прожила целую жизнь и успела состариться. Отбросив плед и свесив ноги, она ещё раз оглянулась на окно. Складывалось ощущение, что оно было заколочено и не пропускало ни капли воздуха, который сейчас был ей просто необходим. Но занавески всё так же безмятежно покачивались и сверчки за окном уже заканчивали свой ночной концерт. Проигнорировав тапочки, она встала и босиком прошлёпала на кухню. Пол казался ледяным под её огненными ступнями. На кухне она не стала зажигать лампу под потолком, только ткнула кнопку на вытяжке, которая включает подсветку. Она любила этот уютный и не слишком яркий свет и часто ужинала в его компании. Взяв со стола кувшин с водой, она сделала жадный глоток прямо из носика. На стакан стоящий рядом даже не взглянула. Долгожданная прохлада заскользила вниз по горлу, освежая всё тело. Мысли потихоньку начали замедлять свой бег. Все еще держа кувшин в руках, и периодически делая из него глотки, она подошла к окну. За ним была полная тьма, лишь в соседнем дворе одиноко горел тусклый фонарь. Она смотрела на угол того дома, в подъезде которого она млела от поцелуя приснившегося мальчишки. Тот проглядывался лишь едва, большую его часть скрыла ночь. Там не горело ни огонька. Через какое-то время, ощутив дрожь, поняла, что жар ночного кошмара прошёл, и она начинает

замерзать. Но она не хотела прерывать зрительного контакта с домом напротив, вдруг для неё он стал жизненно необходимым. Частичка сна, запомнившая их поцелуй, давала ей сейчас возможность насладиться им вновь. Она сходила в комнату за своим любимым махровым пледом и, возвращаясь на кухню, на ходу оборачивала его вокруг своего тела, как заворачиваются полотенцем люди только что вышедшие из душа. Оказавшись возле окна вновь и взяв в руки кувшин, который она оставила тут же, она опять взглянула в сторону дома. Убедившись, что он её ждет, забралась на подоконник и, согнув ноги в коленях, села. Оперевшись спиной об откос и поставив кувшин себе на живот, она смотрела лишь на темный дом, будто в надежде увидеть ещё что-то новое в его облике. В такой позе она и встретила утро пятницы.

Она увлеченно стучала пальцами по клавиатуре. В левом ухе покоился миниатюрный наушник, работать без своей любимой радиостанции, вещавшей рок, было не в её правилах, и сейчас ди-джей радостным голосом сообщал о завтрашней непогоде и просил не забывать дома свои зонты. Чего-чего, а рабочей энергии у неё всегда было хоть отбавляй. Бессонная ночь не прошла, конечно, даром, оставив небольшой след в виде тёмных кругов под глазами, и она чувствовала себя немного уставшей уже в эти утренние часы. Но сон за-

былся, хотя глядя в предрассветное небо из окна своей кухни несколько часов назад, она была уверена, что не забудет его никогда. Конец квартала, отчетный период и офис гудел от напряженных голов коллег и работающей оргтехники. А у нее на носу еще презентация. Разработка экстремальных туристических маршрутов на Российском Севере. Автор презентации Татьяна Кругова. Прошу любить и жаловать. Четыре месяца она собирала информацию, мотавшись в края, которые встречали гостей пронизывающим ветром и светом солнца, который не грел, сколько бы ты под ним не находился. Ей выделили не малый бюджет для начальных работ по проекту, и теперь предстояло по нему отчитаться. Права на ошибку не было. Либо его одобряют под всеобщие аплодисменты, и она получит полное спонсирование до конечного этапа, либо.... Нет! Она не позволит этому случиться. Уж слишком много и тщательно она работала, затрачивая порой свои личные сбережения. И все равно живот непроизвольно окатило холодной волной страха. Да, минусы, конечно, были в подобных путешествиях, и статистика неуклонно твердила, что большинство людей все же проводят отдых в теплой компании моря и пляжа, нежели в долгом и порой очень тяжелом блуждании по горным тропам под писк полчищ комаров и завывания снежных порывов. «Мало комфорта, но много эмоций, которые не вызовут шезлонг и бесцельное лежание на нем» – уже готовила она ответы для комиссии. Взглянув на часы, она увидела, что они показывают

почти полдень. Значит, пора перекусить и дать заслуженный отдых глазам от очков и монитора.

«Почему после еды так хочется курить?» Она всегда задавала себе этот вопрос после обеда, спускаясь по бетонным ступенькам на первый этаж. Сколько она курила уже? Десять лет? Двенадцать? Она не помнила. Помнила лишь, что попробовала первый раз, будучи еще школьницей. Возраст, когда нужно самоутвердиться перед сверстниками, показать, что ты уже не маленькая глупенькая девочка. Так это и пошло. Нет, она не выкуривала по пачке в день, ее пальцы и волосы не были пропитаны насквозь запахом никотина, лицо и зубы имели вполне здоровый вид и цвет. Но, тем не менее, она была пленником этой пагубной привычки, как и большинство ее коллег. И в основном это были женщины. Поэтому на заднем дворе пятиэтажки, в которой находился их офис, и которая предназначалась как курилка на свежем воздухе, в обеденный перерыв всегда былолюдно. Кто-то курил в одиночестве, разговаривая по телефону или же просто погруженный в свои мысли, кто-то сбивался в группы, от которых доносились женское хихиканье и мужские споры. Но сегодня, открыв тоненькую дверь служебного входа, Таня очень удивилась, когда не обнаружила там никого, кроме пары голубей, безжалостно терзавших хлебную корку. Вероятно, коллеги решили занять время отдыха более полезным делом, играя в компьютерные игры или просто завис-

нув в соцсетях. Вытащив из кармана пальто пачку сигарет, она очень удивилась, что та оказалась запакованной. Обычно если она покупала новую пачку, то открывала ее сразу, независимо собиралась она сейчас курить или нет. «Странно...» – подумала она, срывая шуршащую обертку и вытаскивая фольгу. Она сунула сигарету в рот и крутанула большим пальцем колесико зажигалки. Неожиданно в нос ударил отвратительно едкий запах гари, от которого слюна во рту стала горькой. Звуки заднего двора пропали, как будто уши забили ватой, и он глох, касаясь ее. Вокруг вдруг запорхали тлеющие комочки, без которых не обходиться ни один большой костер. В детстве они называли их ведьмочками, и дотрагиваться до них было нельзя. Она заморожено смотрела на их медленный полет. Во рту все так же оставалась забытая и не зажженная сигарета, приклеившаяся к губам. Даже рука была все так же согнута в локте и кисть послушно продолжала держать зажигалку недалеко от кончика сигареты. Пламя ее давно погасло, но оно бушевало вокруг. Охватив каменную насыпь, оно доедало то, что осталось.

«Там кругом были только камни! Камни не горят! Они ведь холодные...»

«Ты курил и ты вина...»

...«Со мной был парень. Где он?»

«Его нет больше. Ты курил и ты вина...»

Она судорожно мотнула головой и резкими движениями выбила сигарету изо рта, словно это был кусочек горящего

уголька, который мог ее обжечь. Выкинув зажигалку теми же истеричными движениями, она начала отряхивать невидимый пепел с одежды и волос, который, как ей казалось, норовил залепить все ее тело. Резко развернувшись, она рванула вверх по обвалившимся ступенькам, и, схватив ручку двери, вдруг обернулась, тяжело и прерывисто дыша. Парковка с выцветшими от времени разделительными полосами, неухоженные кустарники вокруг и маленькая опустевшая детская площадка глядели на нее с мрачным непониманием. Тихо. Только чирикание птиц и ее оглушительное дыхание. «Его нет больше. Гореть...»

Окинув задний двор взглядом еще раз, она потянула на себя дверь, весившую теперь, как ей казалось, тонну.

Сославшись на недомогание, она попросила шефа разрешить ей уйти с работы пораньше. Анатолий Иванович, седящий мужчина пятидесяти лет, который, не смотря на свою тучность, был необычайно подвижен и всегда полон идей, удивленно вскинул брови и поглядел на нее поверх очков.

– У тебя через неделю презентация, Кругова. Ты не забыла?

Болезненным голосом она ответила, что, конечно же, нет. Ей и правда тогда казалось, что она начинает болеть. Пульсирующе сдавливало лоб, и тело бросало из жара в холод и об-

ратно. Сейчас ей как никогда хотелось домой, в постель.

И вот она шагала по дороге, которая огибала ненавистную ей теперь гаражную линию и вела к дому. Шла ни как обычно в сумерках, а при свете сентябрьского, но еще вполне теплого солнца. Прошлый сон с поразительной четкостью встал у нее перед глазами. Голоса, запахи, прикосновения... она как будто снова очутилась там. Увидела теплый и такой искренний взгляд того мальчишки. Воспоминание мягко коснулось ее губ, и они отозвались улыбкой. Облизнув их, она непроизвольно втянула носом воздух, прикрыв глаза, будто в надежде уловить его запах. Запах воздуха после дождя, нежных весенних цветов, пробудившихся после долгой зимы, запах свежесорванных ягод малины, которые торопишься отправить в рот. Этот запах нельзя ни с чем спутать.

Во сне она не задавалась вопросам кто он. Она просто знала, что он есть и всегда был с ней рядом. Знала это так же, как и то, что солнце встает по утрам, а вечером садиться. Это закон, который не нуждается в доказательствах. Там, рядом с ним, впервые за много лет она почувствовала что-то, то, что всегда искала, мечтала попробовать на вкус. Она остановилась. Покой. Вот что она обрела с ним. С добрую минуту она простояла пораженная этой мыслью. Медленно двинувшись дальше, сунула руки в карманы пальто. Рука наткнулась на что-то внутри. Вытащив оттуда едва начатую пачку сигарет, посмотрела на нее с таким удивлением, как человек, который бы нашел в холодильнике пару своих туфель. «Ты

вина...» – прошептал ей в самое ухо голос с мерзким акцентом. Резко сжав ладонь с необычайной силой, и превратив пачку в комок, она швырнула ее так далеко, как только могла. Картонный ком скрылся в желтеющих кустах акции.

Скинув туфли в прихожей, она прошла в гостиную комнату и плюхнулась в кресло, не снимая пальто. Звуки улицы исчезли, тишина одинокой квартиры заполнила ее голову. Она любила и ненавидела ее одновременно.

Любила возвращаться в свой маленький дом после шумного офиса, гула голосов в общественном транспорте, равнодушных лиц прохожих и болтовни соседских бабушек, которых она каждый вечер встречала у подъезда. Они всегда спрашивали, как она поживает. Просто, потому что нужно было спросить. Она говорила им, что все хорошо просто, потому что нужно было ответить. И от этой фальши ей тоже хотелось скорее спрятаться за своими стенами. Любила этот контроль и размеренный ход своей жизни, когда ты знаешь что и где лежит и чем ты займешься завтра вечером. Быть хозяйкой положения. Что может быть лучше?.. Но иногда по ночам, лежа без сна в своей постели, она думала, что все это... не честно. Это как дышать полувздохами, как пить воду, представляя, что это вино. Может просто оттого, что это была ночь, ведь как говорится, она честнее дня и ночью совсем другие мысли. У нее хорошая работа, маленькое, но своё жильё, друзья, с которыми она может быть сама собой. И вроде бы все правильно, все так, как должно

быть в жизни взрослого человека. Но она все равно порой чувствовала себя обманутой. Она всегда горела зеленым индикатором, извещая, что все системы в норме и стабильны. А ей хотелось гореть красным, желтым, фиолетовым и другими цветами, которые нельзя даже вообразить. Хотелось засыпать и не знать наизусть завтрашний свой день. Съесть на завтрак огромный вредный бутерброд, а не овсянку. Уставать не только от работы и проводить время по вечерам не только в компании своих книжек, которые всё учили её жить.

Упёршись взглядом в стенку напротив, где на стене висели большие часы в виде кошки, огромные глаза которой бегали вправо-влево в такт секундам, она не заметила, как начала дремать. Обычный недосып взял свое.

...Тебе около тридцати, ты очень высокий и крупный. Полная противоположность того мальчика, которого я видела в первый раз. Ты не полный, просто очень крепкий, ощущение, что твое тело как будто высечено из камня. Ты сидишь в автобусе, там полно народу. Ты в окружении ребят, я знаю, что это твои друзья, и вы едете играть в баскетбол в другой город, что-то вроде соревнований. Я сижу напротив вас, слушаю ваши разговоры, смех. Все очень увлечены беседой. Все, кроме тебя. У тебя в руках тетрадь, такая боль-

шая, как альбом для рисования, только эта переплетена пружинкой. И ты что-то пишешь там. Я встаю и обхожу тебя со спины, кладу руку на плечо и заглядываю в тетрадь, интересно же что ты там пишешь с таким серьезным выражением лица. Тетрадь в полоску, обычная учебная, почти вся исписана строчками рэпа, с зачеркнутыми словами, видимо, когда искал рифму. И рисунками. Ты пишешь слово, тут же ведешь от него линию вверх и в бок и получается, что это слово красуется на боку нарисованной машины, или вот слово, на первой букве которого ты рисуешь собачью мордашку, а на последней хвост и получается, что тело пса состоит из букв. Почерк очень ровный и красивый, как будто механический. В стихах встречались названия групп и имена рэперов, но они мне не знакомы, на самом деле, думаю, таких и не существует.

– Ты слушаешь рэп? – задаю я тебе вопрос. Я все так же стою позади тебя, держа руку на твоём плече и заглядывая в твоё лицо. Но ты продолжаешь все так же увлеченно писать что-то в тетради. Ты не повернул головы на звук голоса, не ответил и я поняла, что ты и вовсе не услышал моего вопроса и не чувствуешь моей руки на своём плече. Меня там нет. Я тебя вижу, а ты меня нет. И я стою и не знаю, что мне делать. Мне до боли обидно. Почему? Ведь вот ты и вот я. Пальцами я чувствую материю твоей куртки, я слышу твоё дыхание даже сквозь шум, создаваемый твоими друзьями, я чувствую запах, от которого ведёт голову, тот са-

мый. Твой...

Но я не пытаюсь сказать тебе еще что-то, вдруг понимаю, что ты действительно меня не видишь. Я не уйду. Стою. Просто стою и держу руку на твоём плече. «Я буду так стоять вечно» – почему-то думается мне. Я поднимаю руку к глазам, чтобы вытереть слезы, которые обжигают глаза и...

Почесав щеку, которую что-то щекотало, она проснулась. Перед глазами вставшая пелена спросонья испугала ее. Но когда она поняла, что это всего лишь волосы упали на лицо, от того, что, уснув, голова опустилась на грудь, ей стало смешно и немного стыдно. Привычным движением руки, убрав волосы назад, она зевнула и, сцепив пальцы в замок потянула их вверх, почувствовав, как приятно они хрустнули. Она чувствовала себя намного лучше, по сравнению с тем, в каком состоянии она перешагнула порог дома. Сколько она проспала? Подняв глаза и посмотрев на белое брюшко кошки, где был расположен циферблат, увидела, что до восьми вечера осталось около десяти минут. Значит, проспала почти шесть часов. Ничего себе! И снова он. Хотя может кто-то просто похожий? «Не будь душой, пожалуйста! Уж самой-то себе признайся!» – крикнул ей внутренний голосок. Иногда и смотреть в лицо не нужно, чтобы почувствовать человека. Так вот она чувствовала, что это не просто был похожий человек. Всё её нутро твердило, что она только что действительно видела его вновь, а уж по-особенному стучащее серд-

це даже дало на это гарантию. Она встала с кресла и вышла в прихожую, стягивая с себя измятое пальто. «Слава богу, он жив...» – пронеслось у нее в голове и, тут же она себя одернула. «Что за бред? Это ведь всего лишь сны. Они лишены всяческого смысла и правды. Просто таким образом я видимо стараюсь мириться со своим одиночеством. Это вполне логично». Как и всё в ее жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.